

Л. Р. Додыхудоева

Институт языкознания РАН
Москва, Россия

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОД НАВРУЗА:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
САНГЛИЧСКИХ ТЕКСТОВ Ш. П. ЮСУФБЕКОВА

Аннотация: В статье дается лингвокультурологический анализ лексики, связанной с праздником Навруз, весенними стимулирующими плодородие обрядами и местными апотропейными и продуцирующими сельскохозяйственными ритуалами, по материалам повествовательных текстов Ш. П. Юсуфбекова, записанных в 1996 г. в долине Санглич в провинции Бадахшан Афганистана.

Выявлены параллели с этапами проведения этого праздника в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. Установлены лингвокультурологические и лексико-семантические соответствия с ключевой культурной лексикой памирских языков региона.

Ключевые слова: иранские языки, памирские языки, сангличский язык, Навруз, Шогун, *суманак*, Афганистан, Горно-Бадахшанская автономная область, Таджикистан, картина мира, лингвокультурология, этнолингвистика

L. R. Dodykhudoeva

THE NOWRUZ VERBAL CODE:
LINGUACULTURAL ANALYSIS OF THE SANGLICH TEXTS
OF SHODIKHON YUSUFBEKOV

Abstract: The article provides linguacultural analysis of the lexicon associated with the Nowruz holiday, spring rituals stimulating fertility and local apotropaic and agricultural productivity rites. The data under study are the narrative texts recorded by Shodikhon Yusufbekov in 1996 in Sanglich Valley, in the Badakhshan province of Afghanistan.

A parallel is drawn with the specific features of this holiday celebration in the Mountainous Badakhshan Autonomous Region of Tajikistan.

Lexical and semantic correspondences are established with the key cultural lexicon of the Pamir languages of the region.

Key words: Iranian languages, Pamir languages, Sanglichi, Nowruz, Shogun, *sumanak*, Afghanistan, Mountainous Badakhshan Autonomous Region, Tajikistan, worldview, linguacultural studies, ethnolinguistics

Введение

В статье дается описание проведения Навруза в долине Санглич в провинции Бадахшан Афганистана на основе повествовательных текстов, записанных Ш. П. Юсуфбековым в 1996 г. в Сангличе и опубликованных в приложении к научной работе «Сангличский язык в синхронном и историческом освещении» [Юсуфбеков 1999] (см. Приложение; тексты о Наврузе и ритуалах его проведения собирались и записывались также в Ишкашме, Афганистан, см. Рис. 1).

В текстах говорится о встрече весеннего праздника в Сангличской долине в конце девяностых годов XX в., перечисляются ритуальные действия, совершаемые перед торжеством и в праздничный период, апотропейные и продуцирующие сельскохозяйственные ритуалы, направленные на получение прироста и урожая. В них отмечены особые церемонии «обновления»: проведение весенней уборки дома, подготовка специальных веников для обметания дома изнутри, очищение потолка от сажи, украшение жилища; зафиксирована последовательность проведения обрядовых действий: вслед за уборкой дома готовится угощение и устраивается праздничное застолье, после чего приходит очередь обмена визитами и народного гуляния.

Рассматриваемые сангличские повествовательные тексты являются вкладом в корпус письменных текстов на памирских языках, которые до сих пор не имеют официально утвержденного алфавита и системы письма.

Рис. 1. Работа Ш. П. Юсуфбекова с информантами. Ишкашим, Афганистан, 2008.
Из архива Л. Р. Додыхудоевой

2. Общие сведения

«Справлявшийся торжественно... при дворе сасанидских царей Науруз имел и имеет, как праздник весеннего обновления природы, первостепенное значение в народном календаре земледельческой Персии». Этот праздник справляют везде в пределах распространения персидского народа и персидской культуры, в частности в Средней Азии [Иностранцев 1906, 021].

Как упоминает Федот Котов в своем «Хожении купца Федота Котова в Персию», написанном в первой половине XVII в., «...праздник начинают в марте месяце в новолуние, его называют “байрам Наурус”, а по-нашему новый год. Его начинают праздновать, как только увидят новую луну, и всю эту ночь не спят, играют, трубят в трубы и в зурны, непрерывно бьют в литавры. С вечера все лавки на базарах красят, белят, украшают цветами. А утром во всех лавках и в домах зажигают свечи, и лампадки, и светильники – по десяти штук и больше в каждой лавке, и так горят они часа три; затем свечи гасят, лавки и базары запирают, расходятся по домам, ничем не торгуют, только на площади устраиваются разные игры и зрелища, носят в руках и бьют красные яйца, целуют друг у друга руки. А у себя в домах, в палатах и в садах стелют ковры, раскладывают на них все свое добро и платья и по всему этому валяются, осыпают себя деньгами, а у кого деньги небольшие, те их просто все время пересыпают в кармане и говорят: “Сколько у нас есть на новый год, пусть будет каждый день”. Этот праздник празднуют три дня, трубят в трубы, играют на зурнах, бьют в литавры и в набаты...» [Котов 1958, 85–86].

Еще в начале XX в. в историческом Бадахшане, на северо-востоке Афганистана, в провинции Бадахшан, и в ГБАО, на юго-востоке Таджикистана, счет времени в году производился по солнцу и следовал сезонам сельскохозяйственного календаря. При этом праздник Нового года, широко известный в настоящее время как Навруз, приходился на разные сезоны и носил разные названия. По народному счету и фенологическим приметам весенний праздник в разных горных долинах нередко приходился на разные временные периоды, причем празднование проводилось поэтапно, что уходит корнями в историю иранской культуры, см., например, [Воусе 2000]. Так, по местному календарю в Хуфе *Nawrūz-i ǒlam* ‘Новый год (букв. Новый день мира)’ наступал раньше чем в нижних долинах [Андреев 1958, 167, 159; Зарубин, Фонд; Мухиддинов 1989, 31–33]. При этом празднование весной на юге Таджикистана Навруза (День равноденствия) (*Nawrūz*) и «Начала года» (*Sari sol*) – начала земледельческих работ [Писарчик 1958, 329], может служить основой для разведения обозначений этих фенологических дат.

Термин «новый день» (ср.-перс. *nōg rōz* (*nwk rwc*)), по сообщению М. Бойс, впервые был засвидетельствован в пехлевийской литературе [Воусе 2000]. По ее мнению, в древности для обозначения начала астрономического года существовал «фактический» термин **nava- sard*, а **navaka- raočah* – «могло иметь ритуальный смысл с эсхатологическим подтекстом» [Воусе 1975, 175; Крюкова 2014, 554–555].

При этом первая часть слова Нав-руз связана с лексемой – *nava* ‘новый, свежий’, подробнее об этом термине см. **¹nauca-* ‘новый, молодой; свежий; недавно’ [Эдельман 2015, 507–514]. Вторая часть – в значении «день» встречается в древнеперсидском языке: др.-перс. *raučah-* ‘день’. Об этой лексеме и ее развитии см. **rauk-* : *rauč-* : *ruk-* (**rauš-*?) ‘свет; светлый; светить(ся), сверкать; быть светлым, блестящим’ [Эдельман 2020, 413–424].

Любопытное свидетельство, удостоверяющее присутствие элемента *n'wu* 'новый' в названии 1-го месяца согдийского года, – Бируни именует его «согдийским месяцем *наусард*» [1958, 233] – приведено в одном из документов Мугского архива. По предположению В. А. Лившица, в письме Деваштича хахсарскому государю Афаруну (В-17, строки 15) говорится: «(15) В новолуние (?) пребываю я в полной готовности (“совершенно полон сил”)...». В комментарии к тексту В. А. Лившиц указывает: *n'wu š(')w'nc t'γuh* допускает два толкования: одно – ‘в новолуние’, *n'wu* ‘новый’, ср. *nw'u* в док. А-9, R, строка 12, *nw'u* в “старых письмах” (II, строка 51), ман. *nwu*, но *n'w* в названии месяца *n'wsrduc*, букв. ‘новогодний’... (вполне возможно, что два названия имели и некоторые другие месяцы и что в *n'wu š'w'nc* ‘вновь идущий, наступающий’ следует видеть второе название какого-то месяца, возможно, *n'wsrduc* – 1-го месяца согдийского года) [Лившиц 1962, 121, 122]. Вероятно, и здесь можно предполагать параллельное употребление терминов, в различных контекстах или для обозначения специализированных периодов.

По замечанию А. З. Розенфельд, «в наши дни... полный ритуал проведения Нового года – навруза, помнят только представители старшего поколения» [Розенфельд 1970, 119]. Знаменательно, что, по ее же наблюдениям, празднование Навруза – древнего народного праздника таджиков и других иранских народов – к концу 1970-х гг. мало где сохранилось в Таджикистане, однако в таджикском Бадахшане у припамирских таджиков, на Вандже и в кишлаке Ёгид Калайхумбского района (Дарваз) этот праздник отмечали неизменно. В прошлом Навруз праздновался очень торжественно, к этому дню белили дома, на стенах домов мукой делали различные узоры, шили новые платья. Сам праздник предшествовал началу пахоты [Розенфельд 1980, 269].

В настоящее время Навруз имеет статус национального праздника в ираноязычных Иране, Таджикистане, Афганистане и ряде стран Центральной Азии, а также празднуется в международном масштабе, в связи с чем возрождены старые традиции и появились новые ритуалы.

Описывая празднование Навруза в Бухаре Садриддин Айни отмечает:

...Ба сабаби дар аввали баҳор, дар вақти ба ҳаракат даромадани тамоми растаниҳо рост омадани ин иди табиат инсон ҳам ба ҳаракат меомад. Аз ин ҷост, ки тоҷикон «хамал – ҳама чиз дар амал» мегӯянд. Дар ҳақиқат, ин ид ба ҳаракат омадани киштҳои ғалладона ва сар шудани киштукори дигар ҳосилоти заминӣ буд, ки инсонро сер карда, сабаби бақои ҳаёти ӯ мешуданд [Айни 2009, 580] ‘...в силу того, что этот праздник приходится на начало весны, когда все растения идут в рост, природа человека тоже приходит в движение. Вот почему таджики говорят: «[В] хамал – всё в движении». По сути, этот праздник был началом сева зерновых и началом возделывания других культур, которые служили источником питания человека и поддерживали его существование’.

Для таджикоязычного населения Бадахшана характерны такие названия этого праздника, как *шогуни бор* – ‘весенний шогун’, или – *кулбабарорӣ*, так как в эти дни начинается пахота¹ (тадж. диал. *кулба* ‘пахота’) [Розенфельд 1970, 115] (ср. дари *qolba(kaši)* ‘пахота’ [ДРС]), а также зафиксированное в Шугнани в долине Гунт (кишлак Вийиб) описательное название – «айди деҳқонии барзагово» [Муриддинов 1989, 60], букв. ‘праздник [начала] земледельческих работ волов’.

Значимость Навруза для аграрной, земледельческой культуры отражена в Афганистане в еще одном названии праздника – «День крестьянина» (*Rūz-i dehqān*). Как подчеркивает Насир-и Хусрав в своей оде «Хвала земледельцам», «мир процветает их усилиями», крестьянин сеет зерновые (*toxm kišt*)² и «что ни год, то открывает клад: здесь пашня³ у него, а там цветущий сад»⁴.

В этот весенний период земледельцы Бадахшана, а также всего региона, проводили два вида работ – очистку каналов для полива и посев зерновых, а также посадку деревьев. Знаменательно, что при интерпретации названия первого месяца древнеперсидского календаря – *adukanaiša* (DB II.69), его происхождение связывалось с сезонными земледельческими работами. Ряд исследователей, таких как Р. Кент и В. Хинц, отталкиваясь от реконструкции, восходящей к ир. **adu*-, *ādu*- ‘(подземный)водный канал, русло’ и корню **kan*- ‘копать’⁵, трактовал это название как ‘[месяц] чистки оросительных каналов’⁶. Р. Е. Эммерик предложил альтернативное понимание названия этого месяца как ‘[месяц] посадки семян’, восходящее к ир. **ādu*- ‘зерно, семя’⁷ и корню *kan*- в значении ‘сеять, бросать’ [Schmitt 1983].

Другое распространенное в Афганистане название весеннего праздника – «День посадки саженцев» (*Rūz-i nihālnišāni*)⁸. На то, что этот вид деятельности связан с Наврузом, указано и в текстах на языке ормури, где говорится, что в этот

1 Как отмечает Иностранцев, «у современного персидского крестьянина, время посева тех или других зерен также определяется Наурузомъ» [1906, 043, сн. 1].

2 Ср. хазара *kōrukišt* ‘полевые работы’ [Ефимов 1965, 95].

3 Т. е. посев. (прим. ред.)

4 Русский перевод И. Сельвинского (Носир Хисроу. Библиотека всемирной литературы. Ирано-таджикская поэзия. 21. М., 1974, 75). Перс.:

*Jahān rā xurrami az dehqān ast,
Az u gah zar‘, gāhi bustān ast.*

5 О полисемии корня **kan*- ‘копать, рыть; ковырять; прокалывать’, ‘сыпать, насыпать; бросать; класть, помещать, наполнять’, ‘сооружать, возводить’, см. Д. И. Эдельман [2011, 199].

6 Знаменательно, что название 12-го месяца (февраль–март) др.-перс. календаря *Vīyah(a)na* также связывается с значением «копать», то есть понимается как ‘[месяц] раскапывания’/ ‘digging-up (month)’, **kan*- ‘копать’ [Kent 1953, 208].

7 Ср. к этому согд. **δwk*, **δ'wkh* [āδūk] ‘зерно’, **ad*- ‘есть, кушать; вкушать’ [Расторгуева, Эдельман 2000, 78, 77].

8 В состав праздничных ритуалов этого периода здесь входит церемония символической посадки саженцев или молодых побегов деревьев (например, ивы, тополя). (прим. ред.)

период в народе принято высаживать саженцы: *awal-e bår-ka, šuk, niål bu nawi, båd ta nawroz* ‘С начала весны сажают саженцы – после Навруза (Новый год)’. В этот период активно высаживают деревья, важные в хозяйственных целях: *awal e-bårene, båd ta nawroz, kere še mây ta amale-ne a nawok se* ‘В начале весны после Навруза, в месяце хамаль его⁹ сажают’ [Ефимов 1986, 267, 268–269].

3. Навруз в ГБАО

3.1. Шогун

Сегодня Навруз, Новый год – праздник весеннего равноденствия – называют по всей ГБАО *Шогун*¹⁰ (*баор*) и Навруз. Вот как говорят о нем в Вахане: вах. *šogān id-i ki baroyi diqon* ‘Шогун – праздник для земледельца’ [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, 232, 234].

Это название отражено в поздравительном приветствии тадж., вах., ишк. *Šoguni nav tuborak* или *Šoguni b(a)or tuborak* ‘Да будет благословен новый Шогун, да будет благословен весенний Шогун!’¹¹. Такое название широко употреблялось в таджикоязычных районах ГБАО, в Ишкашимае и Вахане в течение XX в. См., например, упоминание праздника в тексте на ваханском языке:

*spo šogun yir d-a amal nišon yaw-ən. a-dr-á sang-i nišon-i amal*¹² *ki dáytaу spo-cən šogun wost. soat díđə́n-ət bətv-i bínən tər bar...* ‘Показывает [наступление] шогуна солнце в созвездии Овна. Когда солнце попадет в камень – знак месяца Хамаль, у нас начинается шогун. Определяют час [наступления шогуна]...’ [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, 237, 238].

Сходным термином называется праздник Навруз и в Сангличе – Весенний шогун (*šogūn-i buor*, ишк. *šogun-i bor*). Здесь также при чтении молитвы на Навруз (*duo-yi nawrūzi kə́nān*) произносят те же слова: сангл. *Muboraki šogūn-i buor*

⁹ Букв. ‘он сажается’. В тексте имеется указание, что это «можжевелник (*arar*)», который не требует полива. Знаменательно, что в языке персидской классической литературы ‘*ar‘ar* (عرعر) также понимается как разновидность древовидного горного можжевельника [ФЗТ; Steingass], отличающегося высокоствольностью, засухоустойчивостью и длительной сохранностью древесины; ср. араб. ‘*ar‘ar* ‘можжевелник’, а также *hawr* ‘тополь’ [Беруни 1974, 159, 363]. Ср., впрочем, применение первой лексемы в широком ареале соседних языков в значении ‘тополь’ (дерево, которое сажают в хозяйственных целях, в частности используя для устройства деревянных частей кровли дома): тадж. *арбар* [Айни 1976; ТРС; ФТЗТ], тадж.-дарв. *harhar*, тадж.-кар. *ar-ar*, вах., ишк., шугн.-руш. *arar* (< тадж.) ‘пирамидальный тополь’.

¹⁰ Ср. также тув. *šagā* ‘новогодний праздник’ [Стеблин-Каменский 1999].

¹¹ Ср. сообщение начала XX века о том, что в Сарезе при наступлении Нового года весной приветствуют друг друга формулой: тадж. *muboraki b(a)or*, а осенью: *muboraki tirmo* [Андреев 1958, 167].

¹² Ср. тадж.-бад. *санги офтоббин* ‘камень [с отверстием, при помощи которого можно] видеть восход солнца’.

‘Да будет благословен весенний Шогун!’ [Юсуфбеков 1999, 175–177]. Эти благопожелательные новогодние формулы служат для привлечения в дом счастья и удачи. Можно отметить, что термин *шогун* в таджикском языке служит для обозначения счастливой приметы: тадж. *шугун* ‘доброе предзнаменование’ [ТРС], тадж. Айнӣ: *шугун*, *шавгун* ‘фоли нек; савдои аввалӣ/хороший знак; первая торговая сделка’ [Айнӣ 1976, 483–484]. В персидском языке термин *šugūn* так же имеет значение ‘хорошее предзнаменование, примета счастья, знак благословения’, что, как отмечает М. Хасандуст, может быть связано с санскр. *śakuná-* ‘(крупная) птица – примета счастья’ (Mayrhofer KEWA) или с монг. *šükün* ‘благо’ (Doerfer TMEN I 364f, 240) (прив. по: [Hassandoust 2014 3, №1893]); причем понятие ‘недобрый знак’ в персидском обозначается с дополнительным уточнением *bad-šugūn*. С другой стороны, в языке дари Афганистана *šogūm*, *šogūn* выступает в обобщенно-нейтральном значении – ‘знак, предзнаменование’, а для уточнения добавляется определение: *šogūn-i nek* ‘доброе предзнаменование’ [ДРС].

В ГБАО именами Шогун(бек), Шогунӣ нарекали мальчиков, которые родились в Навруз и которые, по поверью, несут благословение семье, их еще называют «(обладающий) счастливой поступью Шогуна» (тадж. *пошнаи шогунӣ*), «(обладающий) благой поступью» (*хуш(пой)қадам*), а также «(обладающий) легкой рукой» (*сабукдаст*) и «приводящий (мир) в соответствие, соразмерность» (*созворӣ*). К настоящему времени такие имена стали редкостью, но М. С. Андреев приводит рассказ об известном в начале XX в. игроке в поло из Хуфа, аксакале Шогуне, обладающем метким ударом [Андреев 1958, 114]¹³. О практике именования мальчиков, рожденных в дни праздника именем (Шо-)Навруз или Хушкадам и выполнении ими ритуальных функций, связанных с проведением торжества, упоминает и И. Мухиддинов [1989, 27, 35].

3.2. Вычисление даты Навруза

Календарные даты в бадахшанских селениях по традиции определял религиозный служитель, *халифа*¹⁴. Он же обычно вычислял и момент наступления Нового года, Навруза, начала месяца (х)амаль (дари *hamal*, тадж.-бад. *амал*, тадж. *хамал*)¹⁵. Для этого во многих местах существовали специальные знаки на

¹³ В записях материалов по бадахшанскому диалекту таджикского языка в ГБАО (Горон, Вахан, Ишкашим) И. М. Стеблин-Каменского в 1968 г. сохранились сведения о семье Шогунбековых, проживавшей начале и середине XX в. в Гороне (кишлак Шамбеде). URL: https://eap.bl.uk/sites/default/files/2021-10/EAP089_Original_catalogue_for_web.pdf

¹⁴ Религиозный служитель, выполнявший основные религиозные обряды в исмаилитской общине.

¹⁵ Ср. названия данного праздника, восходящего к иранской традиции, у части казахов – «Амал» (а также День улуса), по случаю которого люди совершали традиционное приветствие обеими

приметных точках рельефа и дополнительно рассчитывался угол падения солнечного луча внутрь дома; о наличии в Хуфе таких приемов календарного счета упоминает Андреев [1958, 162–164]; устройства из камня, работающие по принципу теодолита, были известны и в Ишкашимае и Вахане¹⁶.

По сведениям, записанным Ш. П. Юсуфбековым в Сангличе, время Навруза определяют по особым меткам на местном рельефе, установленным *халифа* или высшим духовным авторитетом, *пиром*¹⁷. Считается, что начало такому вычислению положил *пир* Насир-и Хусрав¹⁸. В конце месяца (х)ут, предшествующего Новому Году, *халифа* внимательно следит за солнцем и определяет, когда месяц (х)ут заканчивается и наступает день равноденствия – начало месяца (х)амаль. Момент наступления Нового Года определяют по углу падения солнечного луча на определенные позиции на заре в момент восхода солнца и при его заходе в предыдущий день [Юсуфбеков 1999, 176]. Та же стратегия применялась в таджикской части Горного Бадахшана, где владевший приемами расчета сезонных изменений человек (тадж.-бад. *исобдон*) вел наблюдение в эти дни за появлением первых лучей солнца и его заходом¹⁹.

3.3. Подготовка к празднику

Одной из процедур подготовки к празднику служит уборка дома, при которой строго придерживаются определенного распорядка и гендерного распределения ролей. Считается необходимым, чтобы еще затемно мужчины подготовили два веника, один – на короткой ручке – для очистки стен, другой – на длинной – для потолка. При подготовке веников, следует точно выполнить ряд установленных обычаев. Так, свясла, которыми перевязывают эти веники, делаются из принесенных ивовых веточек, посыпанных бобовой мукой, см. Рис. 2. После подготовки

руками и дважды заключали друг друга в объятия (*амалдағы көрісу*) (<https://mangystaumedial.kz/ru/obshtestvo/kultura/92962>), и у ногайских татар – «Амиль-байрам» (catalog.folc.ru/catalog/prazdniki/51.html).

- ¹⁶ Сходные способы определения на местном рельефе дат зимнего и летнего солнцестояния отмечает М. С. Андреев и для долины Панджшер в Афганистане; в дополнение он приводит рассуждения приехавшего в Ташкент горного таджика о сложности определения на равнине точного времени календарных дат [Андреев 1927, 66–67].
- ¹⁷ По традиции высшее духовное лицо, духовный наставник у исмаилитов. Рядовые исмаилиты (*муриды*) из поколения в поколение следовали одному определенному *пиру*. (См. об этом, например, А. А. Бобринской. Секта исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация // Этнографическое обозрение. Кн. LIII. 1902 г., № 2.).
- ¹⁸ См. упоминание такого способа определения дня равноденствия Насир-и Хусравом [Мухидинов 1975, 72; Андреев, Половцев 2011].
- ¹⁹ Сходная процедура «высматривания» Навруза была характерна и для долины Ягноб, Таджикистан, где на рассвете и на закате также велось наблюдение за солнцем.

инструментов очищения дома мужчины удаляются из дома и вступает в силу запрет на их вход в дом [Мухиддинов 1989, 20–21]. Тем временем женщины приступают к приведению дома в порядок, обметая этими вениками стены и потолок изнутри дома и удаляя накопившуюся сажу.

Рис. 2. Памирский дом, украшенный узорами из муки в преддверии Навруза. Веник Навруза, хранящийся под потолком. Ишкашим, Афганистан. Фото Ш. П. Юсуфбекова, 2008. Из архива Л. Р. Додыхудоевой

Сангл.:

awānd xē rēfakō-gō! wa xān-i stārān, čəxtāy-i. alqisa, siyāsōrō va duda dēyān
‘Они [женщины] своими вениками [на длинных ручках] обметают дом, балки потолка. В конце концов женщины очищают сажу’ [Юсуфбеков 1999, 175, 176].

О тех же ритуальных действиях упомянуто в ваханском тексте:

*i rwor tər mis šogənbənd góħən, ráčən, ... a-yá rwor-i šogən a-c-a bəndv-ən səbyr yo
panz dežox góħən ki d-av sar drəpč vándən. awrat xún(-əy) čuxt-əy t-a-nən wíšyvd*
‘За день до шогуна заготавливают прутья... В день шогуна из этих прутьев делают четыре или пять рогатин, к которым привязывают веник. Женщина сметает им сажу с потолка дома’ [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, 232, 234].

В состав праздничных магических действий в Сангличе, как и повсюду в регионе, входит украшение стен жилого помещения и опорных столбов узорами из бобовой муки, что делается для привлечения счастья и благополучия и, как и в таджикской части Бадахшана, называется таджикским (дари) термином *šogūn(i)*, см. Рис. 3а и 3б.

Рис. За. и Зб. Стены, балки, потолок-чорхона и два столба при входе в дом (тадж. бузовез) памирского дома, украшенные узорами из муки. Ишкашим, Афганистан.
Фото Ш. П. Юсуфбекова, 2008. Из архива Л. Р. Додыхудоевой

После уборки, когда дом подготовлен к празднику, началу нового этапа жизни, запрет на вход снимается и разрешается войти домочадцам. При первом входе в дом в новом году каждый вошедший держит в руках ветки для украшения жилища (сангл. *wōki durk-i cā daraxt-ō, dā(h) yufčā nasān mā dūst*) и должен по обычаю, остановившись у первых двух столбов при входе в дом, произнести приветствие: *Sāli nawatun mubōrak* ‘Новый Год [для вас] пусть будет благословенным!’ [Юсуфбеков 1999, 175–176]. Сходный обычай имеется и в таджикской части Бадахшана, где в Ишкашине и Вахане предварительно заготавливались свежие ветки (вах. *šogynband, šogyn šark* ‘связки прутьев, приготовляемые во время шогуна’, тадж.-бад. *ғимча*), их подстругивали, снимая кору в нескольких местах, чередуя покрытые корой и очищенные части. По сообщению И. Мухиддинова на Западном Памире такие определенным образом оформленные ветки символизируют стебли бобовых со стручками, а их функция состоит в обеспечении урожая злаковых (пшеницы, ячменя, бобов), что закреплено в названии – *боқилогоҳ*, букв. «место бобов» [1989, 23]²⁰. Такие прутья гости вносили в дом (или оставляли за дверью), потом их обычно втыкали за балки под потолком, где они оставались до следующей весны [Розенфельд 1970, 115; Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976].

²⁰ Такие же веточки весной дети изготавливали во второй половине прошлого века в Душанбе, хотя они и не связывались непосредственно с Наврузом. Их очищали от коры в нескольких местах, на другие части наносили узоры, а внизу кора обычно снималась полностью, или ее оставляли, и она завивалась колечками.

На севере Таджикистана в Худжанде также существовал ритуал внесения в дом на Новый год ивовых веток (*калтак*) длиной около метра. И здесь по всей длине ветки чередовались очищенные и неочищенные от коры части шириной около 10 см. В нижней части кора спускалась узкими полосками, завиваясь [Мирбабаев, Файзуллаев 2012, 130].

Ср. также весенние обряды, связанные с растительным миром, в дни празднования Навруза в Худжанде, где из молодых побегов ивы скручивали гирлянды и опускали их в реку, веря в очистительную силу воды [Мирбабаев, Рахимов 2010, 127].

Обычно две из них помещали на перекладине над входными столбами, а третью над главной частью дома (см. Рис 3., помещенный в статье З. О. Назаровой).

3.4. Праздничное застолье

Неотъемлемой частью праздника было обильное угощение. В первый день семейный обед проводился особенно торжественно. Масштаб организации такой праздничной трапезы отражен в одном из документов Мугского архива – записи денежных расходов, где упоминается купленная за 11 драхм корова, «которую (25) на (празднике) новогоднем (*'ps'rd*) (?) съели...» [Лившиц 1962, 185].

Застолье готовилось обильным, сытным и разнообразным, что должно было магически повлиять на обилие урожая и пищи в наступающем году. В одной из таджикских веснянок, записанных А. З. Розенфельд, подчеркивается эта характерная черта Навруза и весны вообще²¹:

Баҳор омад бо серрузӣ,
Бизан гулҳои наврузӣ,
Бидоз тоқии гулдузӣ,
Баҳор омад, баҳор омад.

Весна пришла с сытными днями,
Разбросай весенние цветы,
Надень узорную тюбетейку,
Весна пришла, весна пришла.

[Розенфельд 1980, 269]

О важности состояния «ритуальной сытости» упоминают М. С. Андреев и А. А. Половцев, описывая заготовку хозяином дома прутьев, что применялось в целях магического воздействия на будущий урожай. Они пишут: «По возвращении хозяина домой, крошат хлеб, бывший у него за пазухой, в чашку с молоком, и он наедается этим кушаньем досыта. Делается это в знак того, что наступивший год должен быть «сытный, обильный, урожайный» [Андреев, Половцев 1911].

В ГБАО варили из пшеницы род каши на молоке (шугн. *bāt, kōči*) или густой кашеобразной похлебки из пшеницы с мясом, которую ставили томиться в очаг на ночь (*bōj*)²². Специально готовили сладкие блюда: киселеобразную кашу на

²¹ Такие песни распевали по обычаю в Дарвазе, Вандже и Бадашхане дети, влезая на крыши домов и через светодымовое отверстие исполняя песни-поздравления, за что хозяйка дома одаривала их сладостями и пр. [Розенфельд 1980, 269].

²² Ср. упоминание иного рецепта приготовления ритуального блюда Н. Шакармамадовым: в долине Бартанг в начале XX в. в начале весны местные жители проводили в специально отведенном месте обряд принесения жертвы и совместной трапезы. В ходе ритуала мясо принесенных в жертву животных распределялось среди членов общины, а на сале приготавливалась обрядовая мучная похлебка-*bāt*, которую съедали все вместе [Шакармамадов 2012, 77].

молоке (тадж.-бад., тадж.-дарв., тадж.-вах. *ширбат*), заготовливали сладости, сахарные головы (тадж. *қанд*), леденцы (*набот*), халву-кандалот (*қандалот*), приготавливали хлеб и род халвы из солода (*суманак*). Еще одно популярное угощение в этот праздник – вареные яйца или яичница из большого количества яиц (сангл. *taxmbaryōn*, вах. *taxmyrubaryon*, тадж. *тухмбирён*, шугн. *xōginā*). В афганском Бадахшане на Навруз готовят, сверх этого, молочную рисовую кашу (сангл. *širbirinj*, ишк. *širbrinj*, дари *širberenj*), плов, мясо.

Кроме того, как и во всем Афганистане, в Сангличе приготавливают в этот период компот из урюка: сангл. *čuwēl āl kənān*, *čamburāv gaxān* ‘[сушеные] абрикосы замачивают, [они настаиваются,] и делают компот’ [Юсуфбеков 1999, 176]. Ср. традицию приготовления сходного напитка из урюка у таджиков Бухары, Каратегина и Дарваза, где, урюк заливают на ночь кипятком и настаивают (*зардолуб*)²³.

При этом в ряде регионов Афганистана на Навруз по традиции готовят компот из семи компонентов (*haftmeva*). В его состав входят ядра грецких орехов, фисташек, миндаля, а также изюм и джида (*sanjed*). Такой же напиток из семи видов сухофруктов (*хафтмева*), в состав которых входят: курага, алыча, чернослив, изюм, персик и др., приготавливают и в ряде регионов северного Таджикистана. Кроме того, в Таджикистане для украшения дастархана ставят поднос с семью видами плодов (*хафтмева*), куда входят гранаты, яблоки, груши, виноград, орехи, миндаль и урюк или курага.

3.4.1. Суманак

В настоящее время как в афганской, так и в таджикской частях Бадахшана на Навруз готовится род халвы или киселеобразной каши из солода²⁴ с добавлением сока пророщенных зерен пшеницы (*sabza/сабза*, *maysa/майса*)²⁵, муки (из солода) и масла (иногда с добавлением сахара). Специальный термин для обозначения этого блюда засвидетельствован в ряде иранских языков: дари *samanak* ‘ритуальное блюдо в виде сладкой кашицы, приготавливаемой в дни Навруза’, сам процесс его изготовления известен как *samanakpazi* ‘приготовление саманака’ [ДРС], тадж. *суманак/сумалак* ‘солод из проросших зерен пшеницы; традиционная

²³ В Шугнани и Вахане из урюка по разным случаям готовят род насыщенного компота, считающегося целебным.

²⁴ Солод – пророщенные, высушенные, иногда грубо размолотые зерна злаковых или бобовых культур.

²⁵ Тем же термином *maysa* (из тадж.) обозначаются зеленые всходы пшеницы в Ягнобе, Таджикистан, а также в языке ормури (из дари) на территории Афганистана: *bād tafo-b bóta-ne kutoxam tit ke. [mendze-ne-wa] bu ganom xin se, ka afo-ki-b maysa yóše* ‘[Затем] на ней зеленеют всходы пшеницы, которые называют майса’ [Ефимов 1986, 246].

халва из солода пророщенных зерен пшеницы, муки и масла' [ТРС], тадж. диал. *сумалак* 'солод из пророщенных зерен пшеницы, сваренной с добавлением муки (традиционное блюдо, коллективно приготавливаемое женщинами весной)' [Рас-торгуева 1963], тадж.-кар. *сэманак/сэмалак* 'солод, традиционное кушанье из солода пророщенных зерен пшеницы, муки и масла' [Розенфельд 1982]²⁶.

В персидском языке и его диалектах зарегистрированы термины *sutani*, *sutani* 'сладкое кушанье из сока пророщенной пшеницы и муки; обычно входит в состав «хафтсина»', перс. Хорасана *seni* 'род халвы из муки и сока винограда'²⁷, перс. диалекты Демавенда *sutanā*, аштийани *suneti*; ср. также дари Афганистана *samanak* 'род халвы из сока пророщенной пшеницы', тадж. *sumalak*, *sumani* 'смесь пшеницы и чечевицы, которую проращивают в период Навруза'. С учетом перехода *v* в *t* в ряде персидских диалектов исходная форма этого термина **savān* связывается с персидским *sihān* 'род сладости из зелени пророщенной пшеницы, муки, сахара и масла с добавлением шафрана', дари Афганистана *suvānak* 'род сладости из сока пророщенной пшеницы' [Hassandoust 2014 3, №N№1756, 1793].

В афганской части Бадахшана зафиксированы сангл. *səman(ak)* 'солод' [Юсуфбеков 1999, 177], мундж. *sətən* 'bread made of flour made from sprouted wheat' [Williamson, Munjani 2016], вах. *sətn* 'солод', *səmnqətoč* 'род хлеба из пресного теста с солодом' [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976].

В настоящее время весной на Навруз *суманак* (или *сумалак*), ставший символом праздника, готовится в Таджикистане в каждой семье. Это угощение, – приготавливаемое на основе сока пророщенной пшеницы, – может быть сделано различными способами, в основном оно изготавливается в виде круглого хлеба, выпеченного на углях (*кулчагӣ*), или сладости, как род халвы (*халвоӣ*), которую называют еще шербет из суманака (*шарбати аз суманак*)²⁸; нередко его готовят и в виде густой киселеобразной каши (*атолагӣ*). В двух последних случаях блюдо приготавливается в большом котле (*суманаки дегӣ*) для всей семьи и соседей.

Женщины, родственницы или соседки, занимаются приготовлением этого яства (*суманакпазӣ*) коллективно (*шарикӣ*), они готовят его всю ночь и, помешивая кушанье, поют ритуальные песни (*сурудхонӣ мекунанд*), рассказывают сказки и загадывают загадки (*афсонагӯӣ, чистонӣобӣ*). Ниже приводится пример такой таджикской песенки:

²⁶ О способах приготовления халвы-сумалак см. Наливкин В., Наливкина М. Очерки быта женщин оседлого туземного населения Ферганы (Казань, 1886, 126).

²⁷ Ср. один из видов новогодних сладостей Дарваза – красная халва (*ҳавлои сурхак*, известная также как *ҳавлои регак/регӣ*, или *ҳавлои умочак*), которую делали в виде мелких клецов из муки с водой (*умоч*), поджаривая на льняном масле, а потом поливали бекмесом (*ширинӣ*) из ягод тутовника, яблоч или винограда и перемешивали [Ершов 1970, 241, 250].

²⁸ Ср. дари *šarbat* 'прохладительный напиток на фруктовом сиропе, сироп'.

Суманак дар чӯш, мо кафча занем,
Дигарон дар хоб, мо дафча занем.
Суманак – бӯи баҳор аст,
Суманак – авчу барор аст,
Меваи шабзиндадор аст²⁹.
Иди Наврӯзӣ муборак!³⁰
Суманак – ширини ёр аст,
Суманак аҷаб нигор аст,
Суманак – зеби баҳор аст.
Иди Наврӯзӣ муборак!

Суманак кипит, мы помешиваем.
Все спят, мы играем на бубне-даф.
Суманак – знак (букв. запах) весны,
Суманак [дает] процветание и удачу,
[Суманак –] плод ночного бдения.
Поздравляем с праздником Навруз!
Суманак – милый друг,
Суманак – так восхитителен,
Суманак – красота весны.
Поздравляем с праздником Навруз!

В Ягнобе, в одной из долин на севере Таджикистана, девушки в процессе приготовления новогоднего блюда опытной мастерицей (ягн. *кочӣ-пачна*), распевают приведенную ниже песенку. После приготовления кушанье распределяется между всеми жителями селения [Ёрзода 2007, 296]:

Navomox beʻururu sof vot,
Koybunimox dastš širin vot.
Raʻim, raʻim, koʻi raʻim,
Raʻim, raʻim, koʻi raʻim.

Тадж. перевод:
Ҳавоамон софу беғубор бошад,
Кайбонуамон дасташ ширин бошад.
Пазем, пазем, шарбати суманак пазем,
Пазем, пазем, шарбати суманак пазем.
[Ёрзода 2007, 296]

²⁹ Т. е. тот, кто ночью бдит, ср. тадж. *шаббедор* ‘(тот кто) ночью не спит’.

³⁰ С небольшими изменениями приводится по: Суманакпазӣ. URL: <https://donish.su/sumanak-pazi-sumalak-navruz>. Вариант текста см. также в: Sumanakpazi // Intangible Cultural Heritage in Tajikistan. Dushanbe: Publisher House “R-Graph”, 2017, 87.

Да будет небо ясным и безоблачным,
Пусть руки нашей хозяйки будут сладкими.
Готовим, готовим, шербет-суманак, готовим,
Готовим, готовим, шербет-суманак, готовим.

В сангличском тексте «Семанак» (Приложение, 6.2.), приведенном ниже, дается описание подготовки солода из проросшей пшеницы (*səmanak*)³¹:

awwal yōndəm sabz kənān... sabz šīd wanəf qōq kənān... bād usān xudāri, yunīn, kə yudīn... muxtasar kənān səmanak ‘сначала дают прорости пшенице, когда зазеленела... ее сушат, ... потом несут на мельницу, мелют. Как смололи... короче, делают семанак’ [Юсуфбеков 1999, 177].

Те же приемы изготовления солода (*səmn*) и выпечки из него (*səmnxəč*) отмечаются и в таджикском Вахане:

səmn-i a-zī góħən: pokzá ħdim dǎrzan, yāw-əy xáyč carən. yan bat sə cum wáxt-ən sawz wost. sáwz-i ki vítəy wəsk yaw carən, yan yúndən xəđórg dǎħən. a-yāw yumĵ xužg wost. ar wəxt ki də yúmĵ-i tozá-ən alaláš cárən xəč góħən səmnxəč wost. qəmoč goħən səmnqəmoč wost ‘Солод делают так: берут чистое пшеничное [зерно] и намачивают его. Через некоторое время оно прорастает. Когда оно проросло, его сушат, а потом мелют на мельнице. Мука из него получается сладкой. Когда ее смешивают с обычной просеянной мукой и пекут лепешки, то и получается *сэмнхэч* (солодовый хлеб). А если же пекут кумоч, то получается *сэмнкумоч* (солодовый кумоч)’ [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, 174, 184].

При этом М. С. Андреев замечает, что в Хуфской долине, ГБАО, пшеницу иногда замачивают в воде до пяти дней или недолго кипятят в воде, а затем высушивают на солнце. «Такая пшеница называется суманак», из сделанной из нее муки пекут хлеб – *sumanak-garđā* или добавляют к тутовой муке, получая толокно *sumanak-piħt* [Андреев 1958, 384].

Различные способы изготовления солода, солодовой муки и получения сока из проростков имелись и в таджикоязычных регионах – Каратегине и Дарвазе. Так в Каратегине на Новый год пекли лепешки из пшеничного солода (*суманаки нонӣ, қулчаи суманак*, а иногда *сумалак, суманак*) или варили кисель из сока (*шира*), выжатого из проросшей пшеницы. После того, как пшеница проросла, ее либо сушили и мололи для выпечки солодовых хлебцев, примешивая обыкновенную муку, либо толкли в ступках, отжимали и собирали в посуду сок, а потом варили из него кисель или же добавляли в него обыкновенную муку, месили тесто

³¹ В данном описании термин *səmanak* обозначает солод из проросшей пшеницы.

и пекли лепешки. Их пекли на стенках очага либо, завернув в листья, под золой на поду очага. Горячие лепешки ели со сливочным маслом, делая из них особое кушанье *суманакруған*. Приглашая на это угощение соседей и близких, произносили ритуальную формулу – «есть весенняя зелень» (*савзаи баҳор аст*), и желали благополучия. В Оби-Гарме солодовый кисель варили из сока пророщенной пшеницы, либо из пшеничного солода с водой и топленным маслом. Делалось это обязательно в глиняной посуде, которую оставляли в очаге на всю ночь. Суманак варили только когда в доме все было благополучно (*вақтхуш*), нельзя было готовить это кушанье, если в семье случилось несчастье [Ершов 1970, 251]. Тот же тип приготовления и употребления в пищу лепешек с солодом упоминается и в таджикоязычной части Бадахшана: *суманакруған* ‘солодовые лепешки с маслом’ [Розенфельд 1982].

Среди блюд, которые готовятся в Таджикистане на основе солода, известны следующие.

К новогоднему столу в Вахане готовится оригинальное блюдо *шушп*:

ágar d-á-nən yix̄ d-a-n káṭən yan də dig yaw káṭən rəxnig góḫən, yáw-ey to səbyr panz soat sə rəxnig-i puxta pácsən řiřp wost ‘Если его [солод] смешать со льдом, поставить в котле на огонь и варить четыре-пять часов на медленном огне, то получится *шушп*’ [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, 174, 184].

Кроме того, в ряде районов Таджикистана отмечено еще одно своеобразное блюдо: тадж.-кул. *чанголи* ‘чанголи (блюдо, приготавливаемое из горячих пресных лепешек, сахара (или дыни) и сливочного масла)’ [ТРС 2006], *чанголи-да нуни гарм-а да руғани зард каф мезанан* (Шх.) ‘чанголи – это (блюдо, приготавливаемое из) горячих лепешек и топленого масла)’ [ФГЧЗТ 2012]. Это блюдо известно и в Ягнобе: ягн. *samonaki čangoli*, тадж. *чанголии суманак* ‘чанголи из солода’: *чанголи аз фатири гарм ва шарбати суманак ва «ганчи сафедӣ» пешкаш менамоянд* ‘[они] предлагают [блюдо] суманак-чанголи из горячих лепешек, сока пророщенной пшеницы и «белого сокровища» (т.е. молока и молочных продуктов, масла, сливок и т.п.)’ [Ёрзода 2007, 302]. Это кушанье, наряду с другими, упоминается в ряде стихов, которые распевают в Ягнобе в период празднования Навруза дети, когда они поздравляют жителей селения:

...Soli sarš atis, mox baxša kunt čangoli.
Vorzaymox xašt, čangoli barobarī,
Samanak salat, sambusa, řirinī.
Dastarxuni munt, urt, ganĵat safedi.
Hamamox pičařim kunim nahori
Kūhna ranĵ agudar, ĵaxt, kunim bozi!
Olov olxařunt, kunim, řiho- řihī.

Тадж. перевод:

...Соли нав омад, барои мо чанголи кунед!
Чанголиро ба табақҳо баробар тақсим кунед,
Суманак, самбӯса, сабза, саллаву ширинӣ.
Ба дастархон ниҳед, оред ганчи сафедӣ!
Ҳамаамон чашем, кунем нахорӣ.
Ранчи кӯҳан бигзашт, хезед шодӣ кунем,
Оташ афрӯзед, чаҳ-чаҳӣ кунем.

[Ёрзода 2007, 308]

...Наступил Новый год, приготовьте нам чанголи!
поровну разделите, по тарелкам положите.
Суманак, самбусу, зелень и сладости
Поставьте на стол, принесите «белое сокровище»!
Давайте все вместе отведаем угощенье за общим столом.
Прежние невзгоды минули, поднимайтесь, будем радоваться!
Зажгите огонь, давайте веселиться
(букв. скакать и прыгать, играть в чехарду).

3.4.2. Кумоч

Еще один вид новогоднего угощения в Бадахшане – особый ритуальный хлеб (сангл. *qitōš*, ишк., вах. *qatoš*, шугн. *qatōš*), приготовленный из муки обычно с добавлением солода и орехов: шугн. *bāt-indī ūz-at hōš hēhēn xu daḍ pīzēn* ‘на праздник Бата смешивают муку с орехами и пекут’ [Карамшоев 1999, 477]. По сообщению М. С. Андреева и А. С. Половцева, в Вахане и Ишкашине в начале XX в. пекли особый большой круглый хлеб, называемый шогун-кумоч, который готовили из теста, замешанного на масле без солода; в хлебы меньшего размера клали солод (прив. по: [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, 192, сн. 13]). Однако сами А. Л. Грюнберг и И. М. Стеблин-Каменский при записи рецепта изготовления такого кумоча на поду печи указывают иную рецептуру [там же, 182].

В день Навруза среди «панджитани» в Дарвазе принято печь блины [Андреев 1958, 168]³².

В настоящее время во многих районах Таджикистана перед праздником ставят в печь с ночи праздничный хлеб из муки с добавлением солода или сока проросшего зерна (*саману*). Таджикоязычное население Бадахшана раньше называло такой новогодний ритуальный хлеб – *кумочи шогунӣ*³³; такой хлеб выпекается

³² Там же в Дарвазе сунниты празднуют Новый год позднее, в то же время что и в Бухаре [Андреев 1958, 168].

³³ См. описание особого вида сладкого праздничного кушанья в древней доисламской Персии

особым образом на поду, а воду для теста приносят из близлежащего источника, отправляясь за ней украдкой в полном молчании. Сейчас праздничный хлеб называют чаще *нони наврӯзи* или *нони саману* или просто *кумоч*, однако пекут его в основном по старому рецепту, добавляя солод или сок пророщенных зерен пшеницы (*саману*). Сходный вид выпечки из солода в виде небольших лепешек (*kulča*) готовят на углях в нижней части духовки, оставляя их там на ночь. Такие же маленькие круглые лепешки (тадж. *кулча*) выпекаются на дне печи из муки, замешанной на солоде, и в ряде других районов Таджикистана.

Об аналогичном процессе выпечки говорится и в сангличском тексте «Семанак» (см. Приложение):

nawrūz qumōčī-mās nūxīn-ət... wa xēsta-yi nūxīn-ət rū-yi tāvə racān ‘Новогодний хлеб тоже пекут [букв. ставят]. Тот хлеб ставят на поднос, пекут [на поду]’ [Юсуфбеков 1999, 177].

Как и во всем Бадахшане, в Сангличе в праздник к столу подают праздничный хлеб из муки, приготовленной из пророщенного зерна (*səmanak-i qumōč*), по традиции, поливая этот хлеб маслом:

saar, kə Nawrūz šīd peχ as peχī qumōč nūxān. Səmanak-i qumōč. va səmanak-i qumōč ižīmān tə adamān bē, ta nūxəfrēyn, rēyn-qōl xārəf ‘утром, когда наступит Навруз, сначала пекут [букв. ставят] кумоч (особый вид хлеба). Кумоч из семанака. Кумоч из семанака приносят людям: мол, положите на него масло [и] с маслом ешьте’ [Юсуфбеков 1999, 175, 176].

О таком же способе подачи на стол угощения – хлеба из солода (*семнкумоч*), называемого теперь в Вахане по-таджикски *нони саману*, – рассказывает краевед из Вахана Одинамамад Мирзоев:

... нони саману мепазанд. Нони ширини самануро бо равғани ҳайвонӣ молида, ба косаҳо мекашанд ‘пекут хлеб-саману. Сладкий хлеб из *саману* поливают сливочным маслом и раскладывают по мискам (*коса*)’³⁴.

По другому, более модернизированному, рецепту приготовления этого новогоднего угощения в Шугнани его выпекают как род пирога с орехами и тутовой начинкой (из двух круглых лепешек со сладкой начинкой между ними), который помещают в нижнюю часть печи, где он готовится в течение длительного времени.

(*komāč-e Nowruz uli čangāl*) [Буосе 2000], а также описание подобного «обрядового хлеба» у осетин и др. народов Кавказа [Иностранцев 1909, 101–102]. Ср. осет. *ærtxūrun* ‘особый пирог, приготовляемый в честь божества огня и солнца (в христианский период – под Новый год)’ (тж. ‘божество огня, насылающее кожные болезни’) [Абаев 1958, 401–402], а также *basiltæ* ‘лепешки с сыром’ и лепешки, в виде фигурок людей, животных и предметов, выпекаемые на Новый год, праздник, связанный с солцеворотом и культом солнца-огня [Абаев 1958, 240].

³⁴ URL: https://www.bbc.com/tajik/institutional/2012/03/120321_mm_qa_norouz_vakhan

Об особом способе приготовления хлеба к Новому году сообщает А. З. Розенфельд: в это время пекли особые ритуальные лепешки. Большую лепешку выпекали на раскаленном плоском камне (*сангй кумоч*). Испеченную лепешку прилепляли к стене дома, а оставшийся от нее след потом посыпали мукой и сохраняли. Саму лепешку оставляли на два-три дня на стене, а потом раздавали по частям родственникам и гостям. В кишлаке Ямг в котле или на поду пекли маленькие лепешки для обрядов праздника первой запашки. Готовили *нонмолик*, поливали лепешку маслом и посыпали сахарным песком [Розенфельд 1970, 116]³⁵.

4. «Сезон радости и зрелищ»³⁶

По словам Бируни, праздники помогают людям «достигнуть увеселения души и радости духа, снискать добрую славу, хвалу, любовь, благопожелания» [1957, 224]. Следуя этой традиции, в день, когда сравнялись день и ночь (тадж. *шабу рӯз як шуд*), в пору весеннего цветения природы, люди устраивают народные гуляния, спортивные состязания и торжественные коллективные трапезы, проводят время в развлечениях, навещая друг друга (сангл. *xonagardak*, тадж. *хонагаштак*, *идгардак*). Все это увязывается в народном представлении с плодородием и предпринимается в стремлении помочь силам природы действиями человека.

День праздника люди обычно проводят на природе с музыкой и танцами, радуясь весне и наслаждаясь жизнью (*вахтхушӣ*). Вот как передается это состояние в одном из текстов на языке парачи, записанных В. А. Ефимовым в Афганистане: «В начале года – время весны. В эти весенние месяцы выпадает много дождей. [Фруктовые] деревья начинают зеленеть (букв. ‘распускать листья’). И люди, натерпевшиеся трудностей за зиму (букв. ‘в связи с тем, что во время зимы бывают в больших затруднениях’), в это время года очень радостны. Это время большой радости и веселья» (*če awwal-e sareka fasl-e r‘ayám-â. če ē mēhiyán-tar yolu yâr kanekâla. b‘inânân šoru-ēn ba pōn naṭō kanta. Wa mardom ba nesbat-e edē, če fasl-e zema-tar-ēn yolu ba taklif bita, ē fasl-tar-ēn yolu xošhâl č ‘omta. wa xélēk fasl-e xōšhâli wa šâdmâni-â*) [Ефимов 2009, 139].

В Сангличе, как и в каждом селении Афганистана и Таджикистана, имеется специально отведенное для таких выездных гуляний место, обычно на лужайке

³⁵ Заметим, кстати, что приготовлением пищи, подготовкой теста и выпечкой хлеба во всем Бадахшане, как и по всей Центральной Азии, занимаются женщины. См., например, упоминание типично женских видов работ у ормутов: *zarka ka pa ayšat e. če šay bu ke? še – poxta: ka txan poxta kon!* ‘Женщина же живет в свое удовольствие. Что она делает? Во-первых, – готовит: испеки хлеб!...’ или: *ku-mâr bu xamirâ ke aw tandûr-ne-wa-b bižé* ‘...[женщины] из муки делают тесто и пекут в тандуре’ [Ефимов 1986, 267–268, 246–247].

³⁶ Обозначение З. Н. Ворожейкиной, см.: (Ворожейкина З. Н. Литературная служба при средневековых иранских дворах (на материалах исфаханской литературной школы) // Очерки истории культуры Средневекового Ирана. М.: Наука, ГРВЛ, 1984).

или в саду (тадж. *сайргоҳ, сайлгоҳ*, шугн. *saylgā, saylgō(h)*). Для обозначения выезда на природу в иранских языках региона употребляется обычно лексема арабского происхождения: тадж. *сайр, сайл*, дари *sayr, sayl* ‘прогулка, осмотр, движение’, ср. дари *sayr-i lâla*, тадж. *сайри лола*, ‘весенняя прогулка в пору цветения тюльпанов’ [ДРС; ТРС], тадж. Панджшера *sayl-i gul* ‘весенняя прогулка молодежи, на которую выходят трижды, в пору цветения тюльпанов, дикой розы или шиповника (*sad-barg*) и джиды, причем парни выходят отдельно от девушек; прогулка сопровождается песнями обеих сторон, обращенными друг к другу’ [Андреев 1927, 75], шугн.-руш. *sayli*, ишк. *sayl*, вах. *səyl* ‘прогулка, праздничное гуляние, отдых’³⁷.

При этом в сангличском тексте такое гулянье обозначается *sayr-u tamāḫā* ‘гулянье, прогулка и развлечение’, ср. тадж. *тӯю тамошо* ‘праздник и веселье’ [ТРС], а также вах. *səyl-ət səto car-* (из тадж.) ‘гулять, прогуливаться’ [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976], хазара *sayl kadū* ‘смотреть, обозревать’, букв. ‘обозревание делать’: *yak aw-i az i-ra ki sayl kuni, yak ōlam miarza* ‘Одна капля воды из тех мест [если отправишься туда весной] стоит целого мира (букв. если помотришь одну [каплю] воды его – стоит одного мира)’ [Ефимов 1965, 93, 96].

Обратимся к описанию в Сангличе фрагмента празднества, связанного с поздравлением. Вот как пишет о нем Ш. П. Юсуфбеков:

...xonagardək šān mə xə xəḫ qawm xān. šān pə xaāy, soli naw tuborak gufta yaxti duo-yi kənān i. šān-baḫ sə ma xān pəwa xān, səma xān pə wa xān bilaxira ar ja-dak-i xəḫ-qawm vəd, šān ‘...идут [совершают] «хождение по домам», идут по домам своих родственников. Идут в разные дома, говорят: «Новый год [для вас] пусть будет благословенным!» – и читают молитву. Идут из дома в дом, из дома в дом, где родственники есть, идут’ [Юсуфбеков 1999, 176–117].

В долине Санглич для больших праздничных игр и спортивных боев обычно собираются мужчины одного, иногда нескольких селений. Считается, что по исходу таких состязаний можно прогнозировать будущий урожай, а напряжение физических сил человека способствует интенсивности плодородия природы, см. подробнее: [Сухарева 1976, 49–50].

В этот день устраивали бои животных (баранов, собак, петухов, куропаток), а также состязания по стрельбе в цель (сангл. *tīrzani*, шугн. *niḫūna-dēd(ak)*; вах. *qaboq, qabaqzani* ‘стрельба по мишени’ (из тадж., тюркск.)³⁸) и рукопашной борьбе

³⁷ Данный термин встречается при описании празднования Навруза в специально отведенном месте в Худжанде (тадж. *Сайлгоҳ* или *Наврӯзгоҳ*). Этому обычаю посвящен очерк Н. С. Лыкошина 1903 г. «Встреча весны – Сайл в Ходженте» [Хафизова 2019, 118]. О месте праздничного гуляния Бухары упоминает С. Айни в разделе «Праздник Навруз и гуляние в саду Ширбадан» («Иди Наврӯзӣ ва сайри Ширбадан») [Айни 2009, 580].

³⁸ Ср. также состязание в широком ареале Западного Памира в стрельбе из лука (позднее из ружья) по мишени – подвешенной на ветке дерева тыкке или монете. Так, по описанию

(сангл. *qəstīngīri*, дари *košti, qošti*, тадж. *гуштингирӯ*, вах. *qəsting(giri)*, шугн. *qastīn*). Раньше в эти дни устраивали козлодрание (сангл. *vəzkaḥək*, вах. *čəḡxšak*, дари *boz-keši*, тадж. *бузкашӯ*, шугн. *guj-tižd*)³⁹ и конные скачки на скорость (сангл. *pōyga-dawāni*, дари *as(p)davāni*, тадж. *аспдавонӯ* или *аспгардак*, вах. *aspdəwoni, yašgəfsvak*), в Вахане также скачки на ослах (вах. *xurgəfsvak*):

maḷōk mə lāfgā(h)... šān mə lāfgā tīrzani-yu, qəstīngīri-yu, rēziyō yuzuku. sōbiqa, kə vərok vəd vəzkaḥək-bəḡ kuḷ-ān kam-kam. pōyga-dawāni-bəḡ kuḷ-ān. pəsāt məmod tīrzani, ammō ziyād-dak-ān. pəysa fərkinān mə ma isobi. dawām diyān far tup ‘мужчины на место сбора... Идут на место сбора, стреляют и борются; дети бегают. Раньше, когда был конь, «козлодрание» устраивали. Скачки устраивали. Сейчас там больше стрельбой [занимаются]. По результату [стрельбы по мишени], дают [приз] деньгами⁴⁰. Так продолжают до обеда (букв. до выстрела из пушки)’ [Юсуфбеков 1999, 175, 176].

Кроме того, среди молодых мужчин проводились состязания по традиционным играм, один на один и в команде, такие как: дари *čawgānbāzi*, тадж. *чавгонбозӣ* ‘конное поло’, дари *bojōlbāzi*, тадж. *буҷулбозӣ*, *сақа(ча)бозӣ* ‘игра в бабки, альчики’, дари *neuzebāzi* ‘метание копья’, *čubbāzi*, ‘состязание на палках’ и др.⁴¹.

А. А. Бобринского в Вахане и Ишкашима «водружается высокий столб, на верху которого прикрепляется тыква с навешенным на нее ожерельем из бус. Стреляют по тыкве в цель, кто попадет, получает ожерелье» (Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). 1908, 94). Ср. язг. *qabaq* ‘мишень, цель из палочек с подвешенными к ним абрикосами’ (Эдельман Д. И. Язгулямско-русский словарь. М., 1971), сар. *qarəq* ‘сосуд из тыквы’ (Пахалина Т. Н. Сарыкольско-русский словарь. М., 1971). Ср. также тюрк. *altyn qabaq* ‘мишень’, букв. ‘золотая тыква’.

³⁹ Ср. в этой связи обычаи проведения новогодних поединков в Фергане и боев животных в Восточном Туркестане, а также описание «борьбы за голову верблюда» у Макдиси в Гургане на праздник Курбан. В последней С. П. Толстов усматривает прототип козлодрания и борьбы двух фратрий в ходе свадебных ритуалов (Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, 283–284).

⁴⁰ По традиции призом мог служить и отрез материи (*sōn*).

Об иранских традициях стрельбы по цели, ссылаясь на работу Эд. Шаванна (*Les Documents...*, 133), упоминает С. П. Толстов: по сведениям китайских источников в танский период (VII–VIII вв.) в Самарканде широко праздновали Навруз, стригли волосы и наряжались в новые одежды. В течение недели проводили состязания в стрельбе по мишени с коня на скаку. В последний день соревнования в качестве мишени устанавливали золотую монету, которая потом служила призом. Кроме того, победитель на один день получал право правления (Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, 319). Перед весенним праздником состязались в стрельбе по золотой монете, подвешенной на столбе, также и тюрки; сбивший ее имел право один день «править страной» (Особенности празднования Навруза у казахов // Навруз – День прихода Добра на Землю. Сборник сценарных и методических разработок г. Омск: «Образование-Информ», 2012, 17).

Ср. также игры «шилле» и «сака» на результат метания камня в цель в начале XX в. в Хуфе [Андреев 1953, 101–102].

⁴¹ В таджикских городах, таких как Худжанд, уже в начале XX в., помимо боев юношей (*чанги лаготак*), организовывали петушиные бои, бои разных животных и птиц (баранов,

Раньше в Бадахшане, и в Афганистане и в Таджикистане, женщины играли на местных бубнах-*даф* с крыш своих домов. Однако теперь в Афганистане музыка, как и само празднование Навруза, находится под запретом; в таджикских же селениях места народных гуляний не разделяются по гендерному признаку. Здесь женщины пользуются свободой и уважением в обществе, а их игра на дафах сопровождает каждое знаменательное событие жизненного цикла человека, такие знаменательные даты, как, например, рождение ребенка, свадьба, встреча гостей, начало Нового Года (Навруз). Этот вид музыкального творчества стал обычаем, вошедшим в жизнь всех памирских народов. В шугнанском языке даже сложился специальный термин, который обозначает особый вид игры женщин на дафе – «кахойдаф» (*ʃinikēn dāf-ta kaḥoydāflūvēn*). См. шугнанский текст, записанный в ходе интервью у профессора Ш. П. Юсуфбекова в г. Хорог Горно-Бадахшанской автономной области в 2014 г. Этот термин при описании праздничных событий в таджикской части Бадахшана получил применение и в таджикском языке [Додыхудоева 2014, 62, 70].

5. Заключение

Итак, мы рассмотрели ключевую культурную лексику, связанную с праздником Навруз, и способы вербализации весенних стимулирующих плодородие обрядов, апотропейных и продуцирующих сельскохозяйственных ритуалов на материале сангличских повествовательных текстов Ш. П. Юсуфбекова, записанных непосредственно на месте распространения языка в долине Санглич.

Обобщен и структурирован лингвокультурологический комплекс знаний, связанных с Наврузом, у ряда ираноязычных народов региона. Выявлена совокупность представлений, связанных с Наврузом, у сангличцев, определены основы структурирования и категоризации этих представлений. На основе соотнесения сложившейся картины с понятийной сеткой данного фрагмента картины мира носителей других памирских языков раскрыта совокупность таких представлений у памироязычных народов Таджикистана и Афганистана.

Установлены лексико-семантические параллели и значительные схождения круга праздничной культурной лексики Навруза во всех памирских языках, и особенно в сангличском, ишкашимском и ваханском, как в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, так и в провинции Бадахшан Афганистана. Определен значительный по объему круг заимствований этого пласта лексики из персидского, таджикского и дари языков.

собак, куропаток), выступления канатоходцев, комиков-масхарабозов и акробатов, цирковые представления [Мирбабаев, Рахимов 2010, 125].

6. Приложение. Сангличские тексты

Прив. по: Юсуфбеков Ш. П. Сангличский язык в синхронном и историческом освещении. М., 1999. С. 175–177.

6.1. Šogūn (Nawrūz) mə Sanglëč

1. mə Sanglëč rasm-i riwoj-i Nawrūz-ən marang-ō.
2. cə azrati pīr [Nōsir Xusraw] wōk niḡān frindukī.
3. ō mēy-dak ut xalās šīd, amal dōxil šəwō.
4. amal, kə dōxil šīd kasān: mə tarafi aftāb-barāmad-məs niḡāngō, tarafi aftāb-nišast-məs niḡāngō.
5. argā, kə ōrmōzd wa niḡāngō miyāna-dak dē, vegai kasān, pə(w)ula yežān, kə saar Nawrūz.
6. saar, kə Nawrūz šīd peḡ as peḡi qumōč nūḡān.
7. səmanak-i qumōč.
8. va səmanak-i qumōč ižimān mə adamān bē, ma nūḡəf rēyn, rēyn-qōl xārəf.
9. dəvə maļōkō rēf vānd-ān.
10. wanəf vānd-ān, tayār kənān, man-i diyān siyāsōrō-bē.
11. awānd xē rēfakō-gōļ wa xān-i stārān, čəxtāy-i.
12. alqisa, siyāsōrō va duda dēyān.
13. digarō šān, maļōk mə lāfgā(h).
14. šān mə lāfgā tīrzani-yu, qəstīngīri-yu, rēziyō yuzuku.
15. sobiqa, kə vərok vəd vəzkaḡək-bəḡ kuļ-ān kam-kam.
16. pōyga-dawāni-bəḡ kuļ-ān.
17. pəsāt məwod tīrzani, ammō ziyād-dak-ān.
18. paysa⁴² fərkinān mə ma isobi.
19. dawām diyān far tup, kə (h)ama xē duda dēyān.
20. xay nawrūzi xēstā tayār šō far yak baļa.
21. mardum va lafga-day-ān, sayr-u tamāḡā-(y)ān.
22. pas, kə va ari-ō āl kuļ-ān, wōki durk-i cə daraxt-ō, dā(h) yufčə nasān mə dūst, ar nafari īsān mə stīnōk axtəδ-ān, yežān: “sāli nawatun mubōrak”.
23. jānĵ-ən-bē māļ-ān yežān.
24. ar kō(y) cə byābān īsu awand(on) yežān kə “xudā mubōrak kənu”.
25. duo-yi nawrūzi kənān “mubōraki šogūn-i buor».
26. i-ra duō-yi kənān-bəḡ.
27. duō-yi, kə kuļ, məmoδ-i ar raqam taām-i pacū: təxmbəryōn, šīrbirinĵ, palav, pədf, čuwēļ āl kənān, čamburāv gaxān

⁴² Из дари *paysa* ‘деньги, мелкая медная монета’ [ДРС].

28. manəf fuk kam-kam də nuḫəδ, pasi sə man-i xonagardək šān mə xə xəḫ qawm xān.
29. šān pə xaāy, soli naw muborak gufta yaxti duo-yi kənān i.
30. šān-bəḫ sə ma xān pəwa xān, səma xān pə wa xān bilaxira ar ʃa-dak-i heḫ-qawm vəd, šān.
31. umuman far vega-da šogūn-i buor muboraki-yu “soli nawatun muborak” yēžān.
32. amdigar muborakbod kənān.
33. am rasm-i rusum-i nawrūz vəd.
34. bas, xalās.

Шогун (Навруз) в Сангличе

1. В Сангличе обряд проведения Навруза таков.
2. От *пира* [Насир-и Хусрава] остался один знак.
3. В тот день месяц Хут заканчивается и [начинается] месяц Хамаль.
4. Когда наступает Хамаль, смотрят: в стороне восхода солнца знак, в стороне захода солнца также знак.
5. В то время, когда солнце (*ōrmōzd*) входит в середину знака, [накануне] вечером смотрят и заранее говорят, что завтра Навруз.
6. Утром, когда наступит Навруз, сначала пекут [букв. ставят] кумоч (особый вид хлеба).
7. Кумоч из семанака (проросшее зерно).
8. Кумоч из семанака приносят людям: мол, положите на него масло [и] с маслом ешьте.
9. Тогда мужчины вяжут веники.
10. Их связали, приготовили и отдают женщинам.
11. Они своими вениками обметают дом, балки потолка.
12. В конце концов женщины очищают сажу.
13. [А] другие уходят; мужчины на место сбора...
14. Идут на место сбора, стреляют и борются; дети бегают.
15. Раньше, когда был конь, «козлодранье» устраивали.
16. Скачки устраивали.
17. Сейчас там больше стрельбой [занимаются].
18. По результату [стрельбы по мишени], дают [приз] деньгами.
19. Так продолжают до обеда [букв. до выстрела из пушки], пока все [женщины] выметают сажу.
20. Праздничное угощение готовится до часа [дня].
21. Люди еще на площади гуляют.

22. Потом, когда сделают все дела, по одной палке с дерева [и] по десять прутьев берут в руки, [и] каждый идет, входит [в дом] до [первых] колонн и так говорит: «Новый Год [для вас] пусть будет благословенным!».
23. Женщинам мужчины [то же] говорят.
24. Каждому, кто идет с улицы, ему говорят: «Да благословит бог!».
25. Молитву Навруза читают: «Весенний Шогун пусть будет благословенным!».
26. Такие молитвы читают.
27. Как прочитали молитву, здесь же готовят различные кушанья: яичницу, ширбириндж (молочную рисовую кашу), плов, мясо, [сушеные] абрикосы замачивают, [они настаиваются,] и делают компот.
28. Этого всего когда немного приготовили, после этого идут [совершают] «хождение по домам», идут по домам своих родственников.
29. Идут в разные дома, говорят: «Новый год пусть будет благословенным!» – и читают молитву.
30. Идут из дома в дом, из дома в дом, где родственники есть, идут.
31. Таким образом до вечера «Весенний Шогун пусть будет благословенным!» и «Новый Год [для вас] пусть будет благословенным!» говорят.
32. Друг друга поздравляют.
33. Такими были обычаи [проведения] Навруза.
34. Всё, конец.

6.2. Səmanak

1. awwal yōndəm sabz kənān.
2. sabz kə kul yex vəd yex-məs na vəd sabz šīd wanəf qōq kənān.
3. qōq šīd bād usān xudāri, yunīn, kə yudīn... muxtasar kənān səmanak.
4. nawrūz qumōčī-məs nūxīn-ət.
5. wa xəsta-yi nūxīn-ət rū-yi tāvə pasān.

Семанак

1. Сначала дают прорасти пшенице.
2. Когда зазеленела, [тогда], холодно или не холодно, если зазеленела, ее сушат.
3. Высушили, потом несут на мельницу, мелют. Как смололи..., короче, делают семанак.
4. Новогодний хлеб тоже пекут [букв. ставят].
5. Тот хлеб ставят на поднос, пекут.

Список сокращений

Названия языков и диалектов

- араб. – арабский
вах. – ваханский
др.-перс. – древнеперсидский
ир. – иранский
ишк. – ишкашимский
монг. – монгольский
мундж. – мунджанский
осет. – осетинский
перс. – персидский
сангл. – сангличский
санскр. – санскрит
сар. – сарыкольский
согд. – согдийский
ср.-перс. – среднеперсидский
тадж. – таджикский
 тадж.-бад. – таджикский бадахшанский
 тадж.-вах. – таджикский Вахана
 тадж.-дарв. – таджикский дарвазский
 тадж.-кар. – таджикский каратегинский
 тадж.-кул. – таджикский кулябский
тюрк. – тюркский
шугн. – шугнанский
шугн.-руш. – шугнано-рушанская группа
ягн. – ягнобский
язг. – язгулямский

ИСТОЧНИКИ

- Юсуфбеков Ш. П. Сангличский язык в синхронном и историческом освещении.
Отв. ред. Д. И. Эдельман. Рец. Л. Р. Додыхудоева, С. П. Виноградова. М., 1999.

Литература

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I – М.-Л., 1958.
Андреев М. С. По этнологии Афганистана: Долина Панджшир (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.). Ташкент, 1927. 101 с.
Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. I–II. Сталинабад, 1953; 1958.

- Андреев М. С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. СПб., 1911.
- Беруни А. Фармакогнозия в медицине // Избранные произведения. Исследование, пер. и прим. У.И. Каримова. Т. 4. Ташкент, 1974.
- Бируни А. Памятники минувших поколений // Избранные произведения. Пер. и прим. М. А. Салье. Т. 1. Ташкент: Фан, 1957.
- Бируни А. Памятники минувших поколений. Пер. А. Э. Шмидта // Шмидт А. Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки Института востоковедения, Том 16. 1958.
- Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976.
- Додыхудоева Л. Р. Об одном случае сложения термина в шугнанском языке: игра на дафе (К статье М. Е. Алексеева «Именные словосочетания в шугнанском языке») // Родной язык, 1(2) 2014: 58–75.
- ДРС – Киселева Л. Н., Миколайчик В. И. Дари-русский словарь. М.: Русский язык, 1978.
- Ершов Н. Н. Пицца // Таджики Каратегина и Дарваза Вып. 2. Отв. ред. Н. А. Кисляков, А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. С. 225–257.
- Ефимов В. А. Язык афганских хазара: Якаулангский диалект. М.: Наука, 1965. 98 с.
- Ефимов В. А. Язык ормури в синхронном и историческом освещении. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986; англ. пер: Efimov V. A. The Ormuri Language in Past and Present / English tr. edited by J. L. G. Baart. (FLI language and culture series. Volume 6). Islamabad: Forum for Language Initiatives, 2011.
- Ефимов В. А. Язык парачи. Грамматический очерк, тексты, словарь. Российская акад. наук, Ин-т языкознания. 267 с. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009. ISBN: 978-5-02-036407-3
- Зарубин И. И. Фонд этнолингвистических материалов И. И. Зарубина, № 121. Санкт-Петербургский архив Института восточных рукописей РАН.
- Иностранцев К. А. Древнейшие арабские известия о праздновании Навруза в Сасанидской Персии // Записки Восточного Отделения императорского русского археологического общества. СПб, 1906. Т. 16. С. 020-045.
- Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. СПб., 1909.
- Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. Т. 1 (1988), 2 (1991), 3 (1999).
- Котов Ф. Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: Изд. вост. литературы. 1958.
- Крюкова В. Ю. Празднование Новруза в Туркменистане // Лавровский сборник: Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб: МАЭ РАН, 2015.
- Лившиц 1962 – Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод, комментарий. Выпуск 11. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии

- В. А. Лившица. Отв. ред. чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер. М.: Изд. Восточной литературы, 1962.
- Мирбабаев А., Рахимов Н. Навруз Худжанда: Истоки и традиции // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2010: 119–132.
- Мирбабаев А., Файзуллаев М. К вопросу календарного цикла празднования праздника Навруз в г. Худжанде и его округе // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2012: 124–134.
- Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX в. (историко-этнографический очерк). М.: Наука, ГРВЛ, 1975.
- Мухиддинов И. Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX – начало XX в.). Душанбе: Дониш, 1989.
- Пахалина Т. Н. Ишкашимский язык. Очерк фонетики и грамматики, тексты и словарь. М., 1959.
- Писарчик А. К. Новый год в припамирском календаре // Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. II. Сталинабад, 1958. С. 329–333.
- Рак И. В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана. СПб., М.: Журнал “Нева”; Летний Сад, 1998.
- Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалектологии. Таджикско-русский диалектный словарь. М.: Наука, 1963.
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М.: Вост. лит. Т. 1. 2000.
- Розенфельд А. З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения советского Бадахшана // Советская этнография. 1970, 3: 114–119.
- Розенфельд А. З. Дарвазско-ванджский фольклор // Страны и народы Востока. Вып. 22. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Книга 2. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. С. 263–273.
- Розенфельд А. З. Таджикско-русский диалектный словарь (Юго-восточный Таджикистан). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
- Семенов А. А. Этнографические очерки зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.
- Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.
- Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Наука, 1976.
- ТРС – Таджикско-русский словарь. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. Под ред. Д. Саймиддинова, С. Д. Холматовой, С. Каримова. Институт языка и литературы им. А. Рудаки. Изд. 2-е, доп. Душанбе, 2006.

- Хафизова М. А. Вклад русских военных в благоустройство Худжанда // Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана. Сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию российского востоковедения (г. Худжанд, 23 ноября 2018 года). Серия: «Евразийский перекресток». Вып. 11. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2019.
- Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М.: Вост. лит. Т. 4. 2011; Т. 5. 2015; Т. 6. 2020.
- Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. I. Handbuch der Orientalistik. Abt. 1, Band 8, Abschn. 1, Lieferung 2, Heft 2A. Leiden; Köln, 1975.
- Boyce M. Nowruz i. In the Pre-Islamic Period // *Encyclopædia Iranica*, online edition, 2000. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/nowruz-i> (accessed on 07.03.2022).
- Kent R. G. Old Persian: grammar, texts, lexicon. New Haven, 1953.
- Schmitt R. ADUKANAĪŠA, *Encyclopædia Iranica*, I/5, p. 471 (December 15, 1983); URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/adukanaisa-a-du-u-k-n-i-s-name-of-the-first-month-march-april-of-the-old-persian-calendar-see-kent-old-persian-p> (accessed on 28 April 2022).
- Steingass F. J. A Comprehensive Persian-English Dictionary. London: Routledge, 1892; 1963.
- Williamson P, Munjani Dost Mohammad. Farhangi zaboni Munjani (Dictionary of the Munji Language). Afghanistan, Badakhshan: SIL, 2016.
- Айнӣ С. Ёддоштҳо (1–4 қисм). Энциклопедияи насри муосири тоҷик (Воспоминания. Энциклопедия современной таджикской прозы). Таҳти назорати К. Айнӣ. Душанбе, 2009. (на тадж. яз.)
- Айнӣ С. Луғати нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик. Куллиёт (Краткий словарь таджикского литературного языка. Полное собрание сочинений. Собр. соч.). Т. 12. Душанбе: Ирфон, 1976. (на тадж. яз.)
- Ёрзода Т. Фолклори Яғноб. Душанбе: Империл-Групп, 2007. (на тадж. яз.)
- ФГҶЗТ – Фарҳанги ғӯишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ (Словарь южных говоров таджикского языка) / сост. М. Махмудов, Г. Джураев, Б. Бердиев; отв. ред. А. Мирбобоев. Душанбе: Пайванд, 2012. (на тадж. яз.)
- ФЗТ – Фарҳанги забони тоҷикӣ (Словарь таджикского языка). 1–2. Под ред. М. Шукурова и др. М.: Советская энциклопедия, 1969. (на тадж. яз.)
- ФТЗТ – Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. 1–2. Под ред. С. Назарзода и др. Душанбе: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ, 2008. (на тадж. яз.)
- Шакармамадов Н. Оинҳои наврузӣ дар Бадахшон. Душанбе, 2012. (на тадж. яз.)
- Юсуфбеков Ш., Шоинбеков А. Шогуни баҳор. Душанбе: Эр-граф, 2019. (на тадж. яз.)
- Hassandoust M. Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi (Etymological dictionary of the Persian language). J. I-V. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1393/2014.

References

- Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka (Historical and etymological dictionary of the Ossetian language). Vol. I – Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1958. (In Russ.)
- Andreev M. S. Po etnologii Afganistana: Dolina Pandzhshir (Materialy iz poezdki v Afganistan v 1926 g.) (On the ethnology of Afghanistan: The Panjshir Valley (Materials from a trip to Afghanistan in 1926)). Tashkent, 1927. 101 p. (In Russ.)
- Andreev M. S. Tadzhiiki doliny Khuf (Tajiks of the Khuf valley). I–II. Stalinabad. 1953; 1958. (In Russ.)
- Andreev M. S., Polovtsev A. A. Materialy po etnografii iranskikh plemen Sredney Azii. Ishkashim i Wakhan (Materials on the ethnography of the Iranian tribes of Central Asia). Saint-Petersburg, 1911. (In Russ.)
- Aynī S. Yoddoshtho (1–4). Ensiklopediyai nasri muosiri tojik (Memories. Encyclopaedia of modern Tajik prose). Ed. K. Aynī. Dushanbe, 2009. (In Tajik)
- Aynī S. Lughati nimtafsilii tojikī baroi zaboni adabii tojik (Concise dictionary of the Tajik literary language in Tajik. Coll. of works). Vol. XII. Dushanbe: Irfon, 1976. (In Tajik)
- Beruni A. Farmakognoziya v meditsine // Izbrannye proizvedeniya. Issledovanie, per. i prim. U. I. Karimova (Pharmacognosy in medicine // Selected works. Research, tr. and comm. and indices by U.I. Karimov). 4. Tashkent, 1974. (In Russ.)
- Biruni A. Pamyatniki minuvshikh pokoleniy // Izbrannye proizvedeniya. Per. i prim. M. A. Sal'e (Texts commemorating past generations // Selected works. Tr. and comm. M. A. Salye). 1. Tashkent: Fan, 1957. (In Russ.)
- Biruni A. Pamyatniki minuvshikh pokoleniy. Per. A.E. Shmidta // Shmidt A.E. Materialy po istorii Sredney Azii i Irana // Uchyonye zapiski Instituta vostokovedeniya (Texts of past generations. Tr. A. E. Schmidt // Schmidt A.E. Materials on the history of Central Asia and Iran // Bulletin of the Institute of Oriental Studies). 16. 1958. (In Russ.)
- Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. I. Handbuch der Orientalistik. Abt. 1, Band 8, Abschn. 1, Lieferung 2, Heft 2A. Leiden; Koln, 1975.
- Boyce M. Nowruz i. In the Pre-Islamic Period // *Encyclopædia Iranica*, online edition, 2000. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/nowruz-i> (accessed on 07.02.2022)
- Dodykhudoeva L. R. Ob odnom sluchae slozheniya termina v shugnanskom yazyke: igra na dafe // Rodnoy yazyk (On the formation of a term in the Shughnani language: playing the tambourine // Rodnoy yazyk). 2014, 1(2): 58–75. (In Russ.)
- DRS – Kiseleva L. N., Mikolaychik V. I. Dari-russkiy slovar' (Dari-Russian Dictionary). Moscow: Russkiy yazyk, 1978. (In Russ.)
- Edel'man D. I. Etimologicheskiy slovar' iranskikh yazykov (Etymological Dictionary of Iranian Languages). Moscow: Vost. lit. IV – 2011, Vol. V – 2015, VI – 2020. (In Russ.)
- Efimov V. A. Yazyk afganskikh khazara: Yakaulangskij dialekt (The language of the Afghan Hazara: Yakaulangi dialect). Moscow: Nauka, 1965. 98 p. (In Russ.)
- Efimov V. A. Yazyk ormuri v sinkhronnom i istoricheskom osveshchenii (The Ormuri language in synchronous and historical perspective). Moscow: Vost. lit., 1986; Eng

- tr. edited by J. L. G. Baart: Efimov V. A. The Ormuri language in Past and Present (FLI language and culture series. Volume 6). Islamabad: Forum for Language Initiatives, 2011. (In Russ./Eng.)
- Efimov V. A. Khazara // Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Sredneiranskie i novoiranskie yazyki (The Hazaragi language // Fundamentals of Iranian linguistics. Middle Iranian and New Iranian languages). Ed. V. A. Efimov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008, 344–414. (In Russ.)
- Efimov V. A. Yazyk parachi. Grammaticheskij ocherk. Teksty. Slovar' (The Parachi language. A grammatical essay. Texts. Dictionary). Moscow: Izdat. firma Vostochnaya literatura, RAN, 2009. 269 p. (In Russ.)
- Ershov N. N. Pishcha // Tadzhiiki Karategina i Darvaza (Food // Tajiks of Karategin and Darwaz). 2nd ed. N. A. Kislyakov, A. K. Pisarchik. Dushanbe: Donish, 1970, 225–257. (In Russ.)
- FGJZT – Farhangi gūishoi janubii zaboni tojikī (Dictionary of southern dialects of the Tajik language). Compiled by M. Mahmudov, Gh. Juraev, B. Berdiev. Dushanbe: Payvand, 2012. (In Tajik)
- FTZT – Farhangi tafsirii zaboni tojikī (Explanatory Dictionary of the Tajik language). 1–2. Ed. S. Nazarzoda et al. Dushanbe: Rudaki Institute of Language and Literature, 2008. (In Tajik)
- FZT – Farhangi zaboni tojikī (Dictionary of the Tajik language). 1–2. Ed. M. Shukurov et al. Moscow: Sovetskaya entsyclopediya, 1969. (In Tajik)
- Grunberg A. L., Steblin-Kamensky I. M. Yazyki Vostochnogo Gindukusha. Vakhanskiy yazyk (teksty, slovar', grammaticheskij ocherk) (Languages of the Eastern Hindu Kush. The Wakhi language: texts, dictionary, grammar overview). Moscow: GRVL, 1976. (In Russ.)
- Hafizova M. A. Vklad russkikh voennykh v blagoustroystvo Khudzhandi // Vklad rossiyskoy nauki v izucheniye unikal'nogo istoriko-kul'turnogo i prirodno bogatstva Tadzhiikistana. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchonnoy 200-letiyu rossiyskogo vostokovedeniya (Hudzhand, 23 noyabrya 2018 goda). Seriya: «Evraziyskiy perekrestok» (The contribution of the Russian military to the improvement of Khujand // The contribution of Russian research to the study of the unique historical, cultural and natural wealth of Tajikistan. Collection of materials of the International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of Russian Oriental Studies (Khujand, November 23, 2018). Series: “Eurasian Crossroads”). 11. Orenburg: OOO IPK «Universitet», 2019. (In Russ.)
- Hassandoust M. Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi (Etymological dictionary of the Persian language). I-V. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1393/2014. (In Pers.)
- Inostrantsev K. A. Drevneyshie arabskie izvestiya o prazdnovanii Navruza v Sasanidskoy Persii // Zapiski Vostochnogo Otdeleniya imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva (The earliest Arabic data on the celebration of Nowruz in Sasanian Persia // Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society). St. Petersburg, 1906. 16: 020-045. (In Russ.)

- Inostrantsev K. A. Sasanidskie etyudy (Sasanian studies). St. Petersburg, 1909. (In Russ.)
- Karamshoev D. Shughnansko-russkiy slovar' (Shughnani-Russian Dictionary). Moscow: Nauka, GRVL. Vol. I (1988), II (1991), III (1999). (In Russ.)
- Kent R. G. Old Persian: grammar, texts, lexicon. New Haven, 1953.
- Kotov F. Khozhenie kuptsa Fedota Kotova v Persiyu (The Journey of the Merchant Fedot Kotov to Persia). Moscow: Izd. vost. Literaturny, 1958. (In Russ.)
- Kryukova V. Yu. Prazdnovanie Novruza v Turkmenistane // Lavrovskiy sbornik: Materialy XXXVIII i XXXIX Sredneaziatsko-Kavkazskikh chteniy 2014–2015 gg. Etnologiya, istoriya, arkheologiya, kul'turologiya) (Nowruz celebration in Turkmenistan // Lavrovsky collection: Materials of the XXXVIII and XXXIX Central Asian-Caucasian readings 2014–2015. Ethnology, history, archaeology, cultural studies). Saint-Petersburg: MAE RAN, 2015. (In Russ.)
- Livshits 1962 – Sogdiyskie dokumenty s gory Mug. Chtenie, perevod, kommentariy. 11. Yuridicheskie dokumenty i pis'ma. Chtenie, perevod i kommentarii V. A. Livshitsa. Otv. red. chl.-korr. AN SSSR K.V. Trever (Sogdian documents from Mount Mug. Reading, translation, commentary. 11. Legal documents and letters. Reading, translation and comments by V. A. Livshits. Executive ed. member of USSR Academy of Sciences K.V. Trever. Moscow: Izd. Vostochnoy literatury, 1962. (In Russ.)
- Mirbabaev A., Rahimov N. Navruz Khudzhanda: Istoki i traditsii // Uchyonye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki (Nowruz in Khujand: Origins and traditions // Bulletin of the Academician B. Gafurov Khujand State University. Humanities). 2010: 119–132. (In Russ.)
- Mirbabaev A., Fayzullaev M. K voprosu kalendarnogo tsikla prazdnovaniya prazdnika Navruz v g. Khudzhande i ego okruge // Uchyonye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki (On the calendar cycle of celebrating the Nowruz holiday in Khujand and its neighbourhood // Bulletin of the Academician B. Gafurov Khujand State University. Humanities). 2012: 124–134. (In Russ.)
- Mukhiddinov I. Zemledelie pamirskikh tadjikov Vakhana i Ishkashima v XIX – nachale XX v. (istoriko-etnograficheskiy ocherk) (Agriculture of the Pamir Tajiks of Wakhan and Ishkashim in the 19th – early 20th centuries (historical and ethnographic essay)). Moscow: Nauka, GRVL, 1975. (In Russ.)
- Mukhiddinov I. Relikty doislamskikh obychaev i obryadov u zemledel'tsev Zapadnogo Pamira (XIX – nachalo XX v.) (Relics of pre-Islamic customs and rituals among the farmers of the Western Pamirs (19th – early 20th century)). Dushanbe: Donish, 1989. (In Russ.)
- Pakhalina T. N. Ishkashimskiy yazyk. Ocherk fonetiki i grammatiki, teksty i slovar' (The Ishkashimi language. Essay on phonetics and grammar, texts and vocabulary). Moscow, 1959. (In Russ.)
- Pisarchik A. K. Novyy god v pripamirskom kalendare (New Year in the Pamir calendar) // Andreev M.S. Tadjiki doliny Khuf (Tajiks of the Khuf valley). II. Stalinabad, 1958, 329–333. (In Russ.)

- Rak I. V. Mify Drevnego i rannesrednevekovogo Irana (Myths of Ancient and Early Medieval Iran). Saint-Petersburg: Zhurnal "Neva"; Letniy Sad, 1998. (In Russ.)
- Rastorgueva V. S. Ocherki po tadjhikskoy dialektologii. V. Tadjhiksko-russkiy dialektnyy slovar' (Essays on Tajik dialectology. V. Tajik-Russian dialect dictionary). Moscow: Nauka, 1963. (In Russ.)
- Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov (Etymological dictionary of Iranian languages). Moscow: Vost. lit. Vol. 1. 2000; Vol. 3. 2007. (In Russ.)
- Rozenfel'd A. Z. Materialy po etnografii i perezhitkam drevnikh verovaniy tadjhikoyazychnogo naseleniya sovetskogo Badakhshana // Sovetskaya etnografiya (Materials on the ethnography and fragments of ancient beliefs of the Tajik-speaking population of Soviet Badakhshan // Soviet ethnography). 1970, 3: 114–119. (In Russ.)
- Rozenfel'd A. Z. Darvazsko-vandzhskiy fol'klor // Strany i narody Vostoka. Vyp. 22. Srednyaya i Tsentral'naya Aziya. Geografiya, etnografiya, istoriya (Folklore of Darwaz and Wanj // Countries and peoples of the East. 22. Middle and Central Asia. Geography, ethnography, history). 2. Moscow: GRVL-Nauka, 1980, 263–273. (In Russ.)
- Rozenfel'd A. Z. Tadjhiksko-russkiy dialektnyy slovar' (Yugo-vostochnyy Tadjhikistan) (Tajik-Russian Dialect Dictionary (South-Eastern Tajikistan)). Leningrad: Izdvo LGU, 1982. (In Russ.)
- Schmitt R. ADUKANAĪŠA, Encyclopædia Iranica, I/5, p. 471 (December 15, 1983); URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/adukanaisa-a-du-u-k-n-i-s-name-of-the-first-month-march-april-of-the-old-persian-calendar-see-kent-old-persian-p> (accessed on 28 April 2022).
- Semenov A. A. Etnograficheskie ocherki zarafshanskikh gor, Karategina i Darvaza. (Ethnographic accounts of the Zarafshan Mountains, Karategin and Darwaz). Moscow, 1903. (In Russ.)
- Shakarmamadov N. Oinmoi navruzī dar Badakhshon (Nowruz rituals in Badakhshan). Dushanbe, 2012. (In Tajik)
- Steblin-Kamensky I. M. Etimologicheskii slovar' vakhanskogo yazyka (Etymological dictionary of the Wakhi language. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. (In Russ.)
- Steingass F. J. A Comprehensive Persian-English Dictionary. London: Routledge, 1892; 1963.
- Sukhareva O. A. Kvartal'naya obshchina pozdnefeodal'nogo goroda Bukhary (v svyazi s istoriey kvartalov) (The neighbourhood community in the late feudal city of Bukhara (in connection with the history of city quarters). Moscow: Nauka, 1976. (In Russ.)
- TRS – Tadjhiksko-russkiy slovar'. Farhangi tojikī ba rusī (Tajik-Russian dictionary). Ed. D. Saymiddinov, S. D. Kholmatova, S. Karimov. 2nd ed. Dushanbe, 2006. (In Russ.)
- Williamson P., Munjani Dost Mohammad. Farhangi zaboni Munjani (Dictionary of the Munji Language). Afghanistan, Badakhshan: SIL, 2016.
- Yorzoda T. Folklori Yaghnob (Folklore of Yaghnob). Dushanbe: Imperial Group, 2007. (In Tajik)
- Yusufbekov Sh., Shoinbekov A. Spring Shogun. Dushanbe: Er-graf, 2019. (In Tajik)

Zarubin I. I. Fond etnolingvističeskikh materialov I. I. Zarubina. Sankt-Peterburgskiy arkhiv Instituta vostochnykh rukopisey RAN. Fond № 121 (Archival ethnolinguistic materials collected by I. I. Zarubin. The Saint-Petersburg Archive of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. Fund № 121). (In Russ.)

Додыхудоева Лейли Рахимовна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия

Dodykhudoeva Leyli Rahimovna
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

leiladod@yahoo.com